

Н. Александров

Волга

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
Н11

Н11 **Н. Александров**
Волга / Н. Александров – М.: Книга по Требованию, 2020. – 93 с.

ISBN 978-5-458-11206-2

Этнографические рассказы для детей Н.Александрова. Иллюстрированно
художниками гг. Васнецовым и Пановым. Издание В.П. Печаткина.

ISBN 978-5-458-11206-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВОЛГА^{*)}.

РАЗСКАЗЪ ПЕРВЫЙ.

Отъ истока Волги до Костромскихъ лѣсовъ.

 Прошла масляница, потянуло весной. Но только потянуло; и денекъ-другой теплынь, съ крышъ потекло, зачернѣла по снѣжному полю дорога, а потомъ опять заморозило, опять снѣжокъ и стужа; и снова скрипъ подъ санями, какъ на Рождество.

— Что, братцы, подъ лямку?... въ Рыбинскъ?... говорили, встрѣчаясь въ перепадающій теплый денекъ, бурлаки, и утѣшались, что проходятъ послѣдніе срътенскіе морозы, при которыхъ зима съ лѣтомъ только встрѣнутся — и пойдетъ тепло да тепло; и ужъ поспѣвай у судовъ, да торопись на Волгу на работу. И около Зубцова, около Старицы, Твери, Кашина, и далѣ по Тверской и Костромской губерніямъ заполошились бур-

*) Въ древнѣйшія времена Волга извѣстна была подъ именемъ *Ра*, потомъ ее называли *Атель*, что на языкѣ народовъ финскаго племени значить *рыка*. Слово *Вома* тоже финскаго нарѣчія и значить *Святой*.

ладкія села. Направляются бурлаки въ Рыбинскъ, съ Рыбинска пойдутъ они, или потащутъ суда, вверхъ по Волгѣ по разнымъ водянымъ путямъ до Петербурга, потянутъ и внизъ до Саратова, до Астрахани, и оттуда обратно въ Рыбинскъ, Нижній, Симбирскъ, Казань, и пройдутъ Волгу за лѣто разъ шесть или восемь.

Поспѣшаютъ бурлаки добраться въ Рыбинскъ до вскрытія Волги и Вазузы. Вазуза „младшая сестра Волги“ (какъ зовутъ ее тверитяне и зубцовцы) — почернѣла уже; и вотъ-вотъ въ одинъ солнечный денекъ готова покоробиться и разорвать свои зимнія оковы. Старички вѣщаютъ — не сегодня завтра развернуться ей и, отогрѣвая на крылечкахъ свои замерзлыя кости, они только и гуторятъ, что о Вазузѣ да Волгѣ.

— Вазуза (передаютъ они народное повѣрье) хотѣла было сдѣлаться Волгой, да не хватило силъ, — вотъ ей и приказано будить ежегодно Волгу; и Вазуза всегда поэтому вскрывается напередъ, а Волга матушка только слышитъ — и сама шевелиться пойдетъ...

— „Волга-матушка, кормилица Волга, наше дно золотое“, говорятъ старики-тверитяне и радуются не радуются, какъ покажетъ она свои воды и заперѣтъ плотами да барками.

— Ни хлѣба-то у насъ по губерніи, говорятъ они, вдоволь не родится, ни скотинки нѣтъ, ни пастбищъ, — все болото, все — камень да лѣсъ; а тутъ — берега кишать народомъ и всѣхъ рѣка кормитъ: кто лѣсъ гонить, кто суда строить, кто рыбу ловить, кто бурлачить идетъ, иные на пристаняхъ работаютъ; а тамъ и дальніе руду желѣзную добываютъ, кимряки сапоги на всю Россію шьютъ, осташковцы косы, топоры дѣлаютъ; и всѣ все везутъ на Волгу, все сбываютъ по ней.

— И откуда взялась эта сила? говорят старики. И одни сказываютъ, что она тверская рѣка и началась въ Осташковскомъ уѣздѣ; другіе знаютъ, что она проходитъ девять губерній, стоитъ на ней девять губернскихъ городовъ и течетъ она на три тысячи слишкомъ верстъ. Но напелся бывалый старикъ, прошелъ онъ Волгу изъ конца въ конецъ нѣсколько разъ, и видалъ гдѣ начинается она и откуда становится рѣкой.

Говоритъ онъ и старикамъ и молодымъ, что онъ видалъ среди бездонныхъ болотъ въ Осташковскомъ уѣздѣ какой-то родникъ или четверугольный колодезь. Зовутъ этотъ колодезь окрестные мужики „іорданомъ“, и рассказываютъ, что стояла у колодца прежде часовня, и шель къ ней народъ со всѣхъ мѣстъ и излечивался отъ разныхъ недуговъ и болѣзней.

— Волга, — говоритъ старикъ, — пробирается изъ этого колодца ручейкомъ, проходитъ мелкія озера, питается глубочайшими, бездонными болотами и ужъ за озеромъ, которое зовутъ *Волго*, она дѣлается рѣкой. Но сперва она точно и не рѣка, — берега плоскіе, а вотъ къ Зубцову поднимаются они выше, становятся какъ горы; а тамъ за Старицей, — продолжалъ старикъ, вспоминая каждый разъ при рассказѣ о Волгѣ всю ее отъ начала до конца, — тамъ за Старицей опять покажутся оба берега плоскихъ, а не то явятся и на томъ и на другомъ холмы; иногда же бываетъ берегъ и гористый, но больше все плоскій, — и такъ до Нижняго; а ужъ за Нижнимъ лѣвый-то берегъ вплоть до Астрахани все низкій, а правый подымается все выше, круче, и тамъ пойдутъ Жигулинскія горы, далѣе Затонскія, Дѣвичьи, Змѣевы, Ушьи и такъ до Царицына; а оттуда Волга разметалась по степямъ и нѣтъ счета ея устьямъ. Насчиты-

вають ихъ до двухсотъ; да вѣрно ли? — кто знаетъ. Весной, какъ сольются они, такъ точно море стоитъ. И каждый годъ мѣняются устья, каждый годъ одно русло занесетъ въ половодье пескомъ, а на другомъ мѣстѣ явится другое.

— И что народу-то разнаго населилось на Волгѣ, — черемисы, мордва, татары, нѣмцы-колонисты, калмыки... Въ Астрахани лѣтомъ, или въ Нижнемъ на ярмаркѣ, какъ соберутся со всѣхъ мѣстъ, такъ площади, точно макомъ въ огородѣ, запестрятъ кафтанами да шапками: одинъ въ красной рубахѣ, другой въ пестромъ халатѣ, камлыкъ въ желтой шапкѣ, татаринъ-мулла въ чалмѣ, а бабы-то — счесть обсчитается нарядами...

— И что опять разказовъ-то про нее, — и не вспомнишь всего. До царя-то Грознаго было на ней и царство Казанское, и царство Астраханское; шелъ изъ-за нея на Русь Батый, Мамай; подымалась не разъ татарва, черемиса, мордва непокорная; гуляла по ней вольница безголовая, грабила богатые товары шемахинскіе, бухарскіе, армянскіе и хивинскіе; наѣзжали на Волгу воровскіе казаки ватагами съ Дону и съ Яика, наводили они страхъ на все поволжье, и разбивали высылавшуюся на нихъ царскую силу; разбойничала по Волгѣ и вся бѣглая и бездомная братія; погулялъ вдоволь и атаманъ Стенька Разинъ; поцарствовалъ и Емелья Пугачевъ; и только за Екатериной разсѣялись эти грозныя тучи и стали богатѣть села, да зашумѣли ярмарки и поплыли со всѣхъ концовъ суда съ товарами.

— Родился я на Волгѣ, — бѣдовалъ въ бурлакахъ всю жизнь, ослѣпъ подъ тяжелой бурлацкой лямкой и не разъ грозила Волга мнѣ смертію. Однажды, лѣтъ десять тому назадъ, наслала она на меня такую смерть,

что и теперь духъ замираетъ, какъ вспомню. А все бы опять пошелъ по ней; все бы еще поглядѣлъ, полюбовался на родные ея берега и заурядъ съ бурлаками подь старость тряхнулъ-бы:

Охъ, матушка Волга,
Широка и долга!
Укачала, уваяла,
У насъ силушки не стало.

— А что, дѣдушка, — говорили старику, собравшіяся вокругъ него дѣвушки и дѣти, — Расскажи про бурлацкую жизнь, да про смерть, про какую ты сказывалъ сейчасъ...

— Расскажи, дѣдушка, приставали къ нему дѣти, про города, какіе ты видалъ...

— Расскажи про разбойниковъ, упрасивали другіе...

— Расскажи про Стеньку атамана, слышались голоса, — про татарина, мордву... И конца не было разнымъ запросамъ, и конца затѣмъ не было разохотившемуся дѣдушкѣ. Онъ любилъ помянуть свои давніе годы, и сначала, когда пристанутъ къ нему, отпѣкивается, да только охаетъ да рукой махаетъ, приговаривая: „эхъ, горька, горька, дѣтушки, была жизнь“; а потомъ, какъ начнетъ съ своего бурлачества, такъ точно живетъ будто съизнова и говорить точно видитъ, точно опять происходитъ у него все передъ глазами.

— Не перескажешь заразъ, — молвилъ по обыкновенію старикъ, — не вспомнишь... мало-ли что слышалось на вѣку... да и самъ-то видалъ... двадцать лѣтъ бурлацкую лямку тянулъ и всѣ должности произошелъ: мальчишкой лѣтъ одиннадцати въ бурлаки пошелъ, и напередъ *кашеварами* былъ, затѣмъ въ *косные* произвели — дали бичеву, вотъ эту веревку, на которой та-

шутъ бурлаки судно, — дали ее *ссоривать*, т. е. сбрасывать, когда она цѣпляется за деревья, или за другое за что. Бываль и *шишкой* или дядькой и шелъ впереди, такъ какъ сила была... былъ потомъ *водоливомъ* — хозяйскимъ грузомъ завѣдывать и бурлаковъ рядиль; сдѣлался и *корщикомъ*. Много потерпѣлъ... много произошелъ...

— Разъ вотъ въ эту же пору, еще и Вазуза не трогалась, отправились мы, какъ и всегда, артелью — человѣкъ съ пятокъ на Рыбинскъ. Въ Рыбинскъ, и теперь и тогда собирались всѣ верховые бурлаки со всѣхъ мѣстъ, и тамъ нанимались они въ работники и расплазались по матушкѣ Волгѣ, и внизъ и вверхъ. Пришли мы въ Рыбинскъ, а по дорогѣ ужъ слышали, что судовщики хлопчутъ у судовъ, нанимаютъ работниковъ; бурлаковъ же на площади и по городу тысячами-тысячъ.

— Стономъ-стонетъ площадь отъ говора и шума и столпились бурлаки кучками по артелямъ и идетъ ряда съ судовщиками и съ ихъ прикащиками. Примкнули сторонкой артелью къ толпѣ и мы. Смотримъ — идетъ на первыхъ же порахъ къ намъ судовщикъ, да такой жирный, въ длиннополомъ кафтанѣ, и рядить насъ на *путину* или въ путь за грузомъ на Царицынъ. Стали торговаться — не сошлись; попыхтѣлъ онъ разсердился и ушелъ. Пождали часокъ; глядимъ — нѣтъ никого, а бурлаки старичане, стоявшіе возлѣ насъ, нанялись уже, вытащили имъ хозяева водки, бренчатъ они задатками, дразнятъ насъ поговоркой: „Ты чей молодецъ?“ — Зубчевскій купецъ. — „А гдѣ былъ?“ — Въ Москвѣ по міру ходилъ. — Мы имъ тоже отговариваемъ: „Старичане пѣтуха съ хлѣбомъ-солью встрѣчали“; а у самихъ-то мутить на душѣ: прозѣвали, думаемъ, рядчика, придется

по одиночѣ, куда кому выдастся, разбрестись. Такъ ждемъ да ждемъ, не сходимся съ рядчиками; анъ воротился, глядимъ, нашъ жирный-то, покричалъ, посердила опять, да и поладилъ какъ слѣдъ. Купилъ намъ ведро, выпилъ съ нами чарку, наказалъ на другой день явиться на берегъ, и пошли у насъ пѣсни; а пиръ бурлацкій стономъ ужъ всю площадь залилъ.

— Перекликаются бурлаки поговорками; тверитяне дразнятъ ярославцевъ, а ярославцы — тверитянъ; осташковцы кричатъ торжковцамъ: „Новоторы-воры!“ а тѣ имъ въ отвѣтъ: „Ну и осташи хороши!“ Задѣваютъ бурлаки и рыбинскихъ жителей, говорятъ имъ, что они „съ дѣвушки родимое пятнышко смывали и нарочно для этого баню топили“; — зовутъ угличанъ „толоконниками, — толокономъ Волгу, говорятъ, замѣсили“...

— И не перескажешь всѣхъ бурлацкихъ переговоровъ да шутокъ. Помню вотъ — подпили, подгуляли, и подходятъ изъ одной артели къ другой и начинаютъ затрогивать. Подходить къ артели, гдѣ много молодыхъ бурлаковъ, также молодой бурлакъ, но изъ другой артели, и говорить имъ: „какъ на низъ-то поплывете ребята, такъ не забудьте сосками запастись; а то вѣдь ребятишки-то заревутъ, — они пожалуй тогда и парусъ-то на соски изрѣжутъ“. — „Ну, мимо нашего стола — дорога столбова, — отвѣчаютъ ему, — проваливай, нѣча побираться... держи ушки на макушкѣ“... и пошли перебранки; слово за слово, побранка за побранкой и завязалась драка... И въ одномъ, въ другомъ мѣстѣ, а потомъ ходенемъ заходила и вся площадь. Пошли — стѣна на стѣну... и ни полиція, ни какое начальство, никто тутъ не мѣшайся; а сунется кто, такъ и тому не сдобровать...

— Бьются бурлаки, разшибаютъ себѣ носы да головы, а на другой день деруть уже у берега, подпершись руками въ виски, залихватскую пѣсню. „Сизъ голубчикъ дорогой, жаль разстаться мнѣ съ тобой“.

— Помню и я грѣшный, — хотъ и не любилъ пить водки, а тутъ и загулялъ и подрался.

— Но на другой день всежъ былъ на берегу. Какъ теперь помню, случилось это на вербной недѣлѣ. Ледъ стоялъ вплоть до вербной, а тутъ во вторникъ къ полудню и тронулся. Но тронулся да и остановился; и трогался затѣмъ нѣсколько разъ — тронется да и станетъ, тронется да и опять сомкнется, а дней черезъ пятокъ повалилъ и совсѣмъ. Всѣ мы тогда и судохозяинъ стояли у расшивы *). Денекъ былъ солнечный, но ледъ двигался страшною силою и у рѣки было вѣтрено и холодно. Съ судовъ на берегъ подали крѣпкія *чалки* или канаты, чтобы суда не оторвало и не стащило льдомъ. А судовъ то этихъ по берегу — что лѣсъ дремучій, — и счесть не пересчитать. Тутъ и *расшивы*, что внизъ идутъ, и *мокшаны* съ Оки и Мокши, и верховыя легкія *барки*, *полубарки*, *паромы*, *шитики коломенскіе*, *осланки*, *тихвинки*, *суряки*, *унженки*, *соминки*, да и не назовешь всѣхъ. Растянулись онѣ по пристани верстъ на девять или на десять.

— Какъ пошелъ ледъ, — чалки натянулись на всѣхъ судахъ точно струны. Судохозяева ожидали сильнаго натиска и ледъ правда шелъ густой, нѣкоторыя суда выперло уже и на берегъ. На одномъ чалка вытянулась, однако выдержала; на другомъ чалка, толщиною въ двѣ руки, вытянулась, — но не сдержала и со свистомъ лопнула.

*) Особого рода рѣчное судно.

Хозяинъ того судна ахнулъ и поблѣднѣлъ. Расшиву стало переть на берегъ. Сжалъ ее ледъ какъ въ тиски, задрожала она, — а потомъ, какъ треснетъ, какъ покачнется на бокъ и въ тужъ минуту поплылъ по ней ледъ, — а бокъ такъ и провалился.

— Нашъ хозяинъ, какъ кончилась обѣдня, пригласилъ священника, отслужилъ священникъ молебенъ. Бурлаки приложились ко кресту и стали приготовляться къ отвалу, а ледъ шелъ еще во всю Волгу. Лоцманъ влезъ на кресла, — такъ зовется на расшивѣ подвижная каютка, — погладилъ бороду и вскричалъ хриплымъ голосомъ: „отваливай!“

— Мы отчалили, и принялись отталкивать расшиву отъ берега въ самый ледъ.

— Молись Богу! крикнулъ лоцманъ. Всѣ сняли шапки и каждый проговорилъ: „Богъ намъ на помощь! съ отваломъ поздравляемъ, хозяинъ!“

— Хозяинъ поставилъ водки, самъ выпилъ первую чарку, и поплыли мы со льдомъ, какъ на пароходѣ. Расшиву отнесло на середь Волги. Принялись мы за пѣсни, и стоимъ да глядимъ только, какъ проходятъ мимо насъ деревни да города. Повсюду на берегахъ народъ, бабы машутъ платками, судовщики что-то кричатъ — привѣтствуютъ; и тихо стало подъ вечеръ, только ледъ вокругъ шуршитъ, да нѣтъ-нѣтъ треснетъ нашу расшиву, и заскрипитъ она то въ одномъ боку, то въ другомъ.

— Смотри, — слышимъ вдругъ кричить лоцманъ, — островъ! Глянули, — анъ расшива прямо бѣжитъ на него. Что дѣлать? Мы туды — сюды, хватили багры; — да что тутъ съ баграми подѣлаешь! Стоимъ, смотримъ на островъ, а сердце такъ и замерло у каждого. Но вотъ льдина большущая-пребольшущая наскочила на островъ и отперла

насъ, — мы такъ и пошли по надъ берегомъ. Соскочили на него, упираемся руками въ расшиву, отталкиваемъ ее, — да ничего не беретъ, точно мухи трудимся и бѣжимъ по о-бокъ. Я позади всѣхъ, и только было оглянулся назадъ, чтобы перевести духъ да поглядѣть — великъ ли островъ, а бурлаки крикнули: „садись!“, а сами сразу всѣ и вскочили въ лодку, что была привязана у расшивы. Я за ними; и только было добѣжалъ до лодки, анъ берегъ то какъ ножомъ такъ и отрѣзало. Бросили мнѣ веревку — не добросили, кричатъ, ругаются, машутъ руками; а мнѣ что дѣлать, — хотѣлъ на льдину вскочить, да нѣтъ ни одной большой у берега, все мелочь идетъ. Что тутъ? пропалъ теперь! думаю себѣ. Стою столбнякомъ, гляжу во слѣдъ расшивѣ, а она точно ужъ лодочка зачернѣла вдали; вижу — подошла къ горѣ и скрылась за ней. Ну такъ и помертвѣлъ я тогда, — нѣтъ спасенія. Кругомъ пусто все, ни на томъ, ни на другомъ берегу ни деревни, ни жилья, и кричи не кричи — не услышитъ и не увидитъ никто.

А ночь наступаетъ, вода подымается все выше и выше, берегъ начинаетъ затоплять. Выбралъ я пригорокъ, усѣлся. Гляжу, а льдины кругомъ двигаются да шумятъ; всматриваюсь въ даль, — не идетъ ли какая расшива изъ Рыбинска, — нѣтъ, чернота кругомъ; мы послѣдніе вышли въ тотъ день изъ Рыбинска.

Настала ночь; небо въ тучахъ. Ну, думаю, когда бѣ до утра Господь далъ дожить! А вода все пуще и пуще заволакиваетъ островъ: хотѣлъ сойти съ пригорка — а вода, и весь островъ покрыла. Слышу, толкутся у ногъ маленькія льдинки, хлещетъ по ногамъ волна, а къ полуночи добралась и до колѣнъ. Прозябъ, ноги подкашиваются, дрожу весь точно въ лихорадкѣ, а льдины